



Сказанье древнее хранит
Полуистлевший манускрипт.
Четыре сотни с лишним лет
С дней смуты, вероломства, бед -

И кончили свой краткий век
Двенадцать тысяч человек.
А у гробницы чудотвора
Князь принял тушинского вора.

Как самозванные царьки,
Вели наёмные полки.
У ляхов же на русский трон
Был королевич заведён.

Здесь воевода пал в бою
За веру, честь, любовь свою
К отечеству, где стал к Москве
Преградой ляхам и литве.

Стремилась на Москву враги,
Уж наточили тесаки,
И стонет весь российский люд
Ну где же власть, когда же суд?

И в службу, что проходит вновь,
Сочится Михаила кровь
С гробницы, где упал герой,
Сражённый шляхетской рукой,
Став гербу Боровска причиной.
На то указ Екатерины:

Вот осадили монастырь.
Чернец берётся за псалтырь,
Стрелец схватил свой грозный меч
Чтобы врага нещадно сечь.

«Где сердце верное с крестом
И славы лавровым венцом,
В невинности и чистоте,
На посеребренном листе -

Князь-воевода Михаил
Борьбу на смерть провозгласил.
Но в ночь, изменника рука
Врагу открыла воротá.

Здесь славу вечную обрёл
Волконский князь Хромой – Орёл».
А на музейном полотне -
Святится память о том дне.

